

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1'01.03

Т. Ф. Волкова

**ПОВЕСТЬ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ
В ПЕЧОРСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ**

Рассматриваются особенности четырех списков древнерусской переводной Повести об Акире Премудром, которые бытовали в старообрядческой крестьянской среде на Нижней Печоре. Прослеживается связь одного из них (ИРЛИ Усть-Цилемское собрание, № 12, XVII в.) с третьей редакцией Повести и выявляются его индивидуальные особенности, что позволяет установить непосредственную связь с ним как источником позднего списка, созданного на Печоре в XIX в. неизвестным переписчиком (ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр. 148), но не использованного в двух списках известного печорского книжника второй половины XIX в. И. С. Мяндина, которые в статье рассматриваются как два варианта созданной Мяндиным особой редакции. В ходе анализа мяндинской редакции Повести об Акире выявляются и характеризуются редакторские приемы печорского книжника, устанавливается их связь с ранее выявленными особенностями мяндинских переделок древнерусских повестей.

Ключевые слова: древнерусские переводные повести, старообрядческая литература, усть-цилемские книжники.

Повесть об Акире, рассказывающая о мурце Акире, преданном своим воспитанником, но благодаря своему уму, находчивости и мужеству спасшем не только свою жизнь, но и свою страну, — памятник древнерусской переводной литературы, сюжет которого восходит к глубокой древности — к VII в. до н. э. Сюжет нашел отражение в литературах народов Востока, Закавказья, романского и славянского миров: известны арамейская, арабская, армянская, грузинская, румынская и славянская версии Повести. До сих пор ученые спорят о том, где возник оригинал Повести, на каком языке он был написан, в какое время и кто является автором Повести¹. Не решены до конца и многие проблемы, касающиеся славянского перевода «Акира»: какой текст послужил оригиналом для перевода Повести на русский язык, когда и где он был осуществлен, в какое время текст стал известен на Руси и кто является его первым переводчиком. Эти вопросы рассмотрены в ряде научных работ [см., например: Пыпин, 1855; Владимиров; Григорьев, с. 490—544; Истрин; Дурново, с. 128—131;

¹ Обзор существующих исследований о Повести см.: [Григорьев, с. 43—148; Творогов, 1987].

Орлов, с. 356—361; Творогов, 1970; Мартиросян, с. 3—21]. Не имеет славянский перевод «Акира» и точной датировки: если суммировать разные точки зрения, временной интервал его появления составит пять веков (XI—XV). Первые упоминания Повести в памятниках древнерусской литературы относятся к началу XV в.

Занимательный и вместе с тем поучительный сюжет Повести обеспечил ей долгую жизнь на протяжении всего средневекового периода русской литературы, а затем, позднее, — в старообрядческой среде. Был он знаком и старообрядцам низовой Печоры — известного центра традиционной народной культуры и старинной книжности, административным и культурным центром которого является с. Усть-Цильма². В составе сохранившихся усть-цилемских рукописных сборников дошло четыре списка Повести об Акире. Один (ранний) — в сборнике ИРЛИ УЦ³ 12 (кон. XVII — нач. XVIII в.), найденном в д. Верховской на Пижме, куда он попал в более позднее время, судя по маргиналиям — из Новгорода⁴ (далее — список Н), три других — XIX в., в составе сборников, переписанных уже на Печоре. Среди них наибольший интерес для нашего исследования представляют списки, созданные известным печорским книжником, редактором древнерусских повестей Иваном Степановичем Мяндиным (1823—1894) [см. о нем: Малышев, 1985] — ИРЛИ УЦ 67 [л. 107—219 об.], находящийся в составе достаточно хорошо изученного мяндинского сборника⁵, содержащего несколько литературных переработок И. С. Мяндина⁶, и список из составленного Мяндиным Цветника⁷, который обнаружила и скопировала Н. С. Демкова во время археографической экспедиции Ленинградского университета в Усть-Цильму в 1973 г. [см.: Демкова]. Сделанная ею копия сейчас хранится в особой тетради в составе Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ (Далее - ИРЛИ УЦ н.) под № 368; Повесть об Акире занимала в Цветнике, по указаниям Н. С. Демковой, листы 139—160 об. Четвертый список Повести — ИРЛИ УЦ н. 148⁸ — дефектный, в нем сохранилось только два фрагмента Повести, однако он представляет для нас определенный интерес, т. к., будучи создан на Печоре в конце XIX в., мог иметь своим источником или список «Н», или какой-то из списков И. С. Мяндина. Ранний список Н так же мог оказаться источником для И. С. Мяндина,

² Об Усть-Цильме как книжном культурном центре см.: [Малышев, 1960]; о фольклоре Усть-Цильмы см.: [Канева].

³ Здесь и далее Усть-Цилемское собрание ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.

⁴ Об этом свидетельствуют владельческие записи *Федора Стефанова Новгородца*, сохранившиеся на многих листах рукописи (115,119,121, 123,125,126,129—135, 138).

⁵ Рукопись XIX в. (тр. четв.) (16 д.л., 358 л.), печорский полуустав нескольких почерков, большая часть сборника переписана И. С. Мяндиным. Описание рукописи см.: [Малышев, 1960, с.115—118]. Об исследованиях, посвященных произведениям, входящим в УЦ, 67 см.: [Волкова, 2005, с. 44—46].

⁶ Повести о царе Агее, о царевне Персике, о бесе Зерефере и др.

⁷ Местонахождение мяндинского Цветника сейчас неизвестно, скорее всего он до сих пор хранится в какой-то старообрядческой семье в Усть-Цильме. В ходе позднейших экспедиций следы его не удалось обнаружить.

⁸ Рукопись в 8-ку, 2 л., полуустав, без обложки. Содержит только отрывок Повести об Акире Премудром. Найдена в с. Усть-Цильма (см. рабочее машинописное описание УЦ н.).

поэтому сначала мы выяснили его место в истории текста повести и его индивидуальные особенности⁹.

Классификация редакций Повести об Акире была предпринята Н. Н. Дурново [Дурново, с. 89–90.] и уточнена О. В. Твороговым [Творогов, 1970, с. 170–180]. Согласно текстологическому исследованию последнего, известные списки Повести разделяются на четыре редакции: древнейшую (I)¹⁰, вторую (Соловецкую), дошедшую фрагментарно и представляющую собой значительную переработку первой редакции¹¹, третью, сохранившую лишь фабулу истории Акира и не имеющую текстуальных совпадений с 1-й и 2-й редакциями, и четвертую, являющуюся переработкой 3-й редакции в сторону ее фольклоризации и беллетризации¹². Первое соотнесение списка Н с опубликованными списками третьей и четвертой редакций было сделано В. И. Малышевым. Комментируя список «Акира» в описании сборника ИРЛИ УЦ 12, исследователь указал некоторые его отличия от двух списков Повести, опубликованных Г. Кушелевым-Безбородко, не называя редакции, к которой они относятся. Один из них — РГБ, собр. Румянцева, № 363, XVII в. (далее — Р)¹³ относится к 3-й редакции [см.: Творогов, 1970, с. 171, сн. 61], другой — РНБ, собр. Погодина, № 1772, XVII в. — к 4-й редакции [см.: Творогов, 1970, с. 177, сн. 75]¹⁴. По наблюдениям В. И. Малышева, список Н дает по сравнению с этими списками «несколько сокращенный вариант, без конца...¹⁵ Есть небольшие отличия и в самом содержании» [Малышев 1960, с. 63]. О. В. Творогов относит список Н к 3-й редакции [Творогов, 1970, с. 171, сн. 61], но не привлекает его в ходе текстологического анализа и не характеризует его индивидуальные особенности. Мы обратились к тексту 3-й редакции, чтобы выявить, с одной стороны, какие особенности этой редакции отражает печорский список Н, с другой — что составляет его своеобразие.

Сопоставительный анализ Н и списка Р 3-й редакции показал, что в Н присутствуют все основные особенности этой редакции, которые выделили исследователи [см.: Дурново, с. 98]. Приведем несколько примеров, показывающих, как текст 3-й редакции отразился в списке Н, попавшем в круг чтения усть-цилемов.

Во-первых, в списке Н, как и в 3-й редакции, значительно сокращено по сравнению с 1-й редакцией поучение Акира в начале и в конце Повести. В молитве Акира в Н, как и в других списках 3-й редакции, устраняются нехристианские черты: Акир не строит жертвенника, не приносит жертв и не кадит

⁹ В статье использованы некоторые наблюдения, сделанные в дипломной работе [см.: Бончук].

¹⁰ См. издание первой редакции: [Библиотека литературы Древней Руси, с. 28–57]. Текст первой ред. цитируется по этому изданию.

¹¹ Соловецкая редакция издана: [Дурново, 1915, с. 20–36].

¹² Третья и четвертая редакции были опубликованы в кн.: [Памятники старинной русской литературы..., с. 359–370].

¹³ Опубликовано в: [Памятники старинной русской литературы..., с. 359–364]. Далее текст Р цитируется по этому изданию.

¹⁴ Опубликовано: [Там же, с. 364–370].

¹⁵ В списке Н отсутствует заключительное поучение Акира во время казни Анадана.

с благоуханием, а только молится. В списке Н, как и в списках 3-й редакции, нет указания на возраст Акира, в то время как в 1-й редакции он указан (60 лет). В списке Н, как и в 3-й редакции, в ответ на молитву Акира о даровании наследника Бог посылает ему ангела, в то время как в 1-й редакции Акир слышит «глас с небес». В Н, как и в 3-й редакции, в повествование вводятся новые имена — жены Акира (*Феодулия*), спасителя Акира (*Анбугил*), преступника, казненного вместо Акира (*Сутирь*). В 3-й редакции и в списке Н добавляется новый персонаж — грозный посол египетского царя Елтега, а также вводится эпизод, рисующий встречу Акира с женой после заключения. Иначе, чем в 1-й редакции, но в полном соответствии с 3-й редакцией в списке Н описано заключение Акира: он сидит, окованный «по колено железы» в «темнице», в то время как в 1-й редакции — в земляной яме «4 локоть въ долготу, 4 в ширину, 4 въ глубину» (с. 44). Изменено в списке Н, согласно 3-й редакции, и наказание, которому подвергает Акир Анадана за предательство и клевету: если в I редакции на Анадана было возложено «уже желѣзно 9 кинтинаръ вѣсом», руки вложены «въ проскѣпъ», а «выя» — в «кладу» (с. 52), то в списке Н, как в 3-й редакции, Анадана забивают железной тростью, залитой оловом. В списке Н, в согласии с 3-й редакцией, Анадан пишет только одну подложную грамоту от имени царя Синографа к Акиру, в то время как в 1-й редакции он пишет подложные письма царям других государств, в которых от имени Акира обещает им передать «Адорьскую землю» и «Аналивский град». В Н и других списках 3-й редакции в подложных грамотах Анадана иначе, чем в 1-й редакции, формулируются приписываемые Акиру намерения — подчеркиваются его личные амбиции (он якобы хочет предать Синаграфа «злой смерти» и сам занять царский престол), в то время как в 1-й редакции Акир, по словам Анадана, намеревается ввести в страну войска соседних государств. В 1-й и 3-й редакциях по-разному описывается подготовка Акира к походу в Египет, и в этом случае список Н тоже передает текст 3-й редакции: вместо приказа найти ему двух орлиц и обучить их высоким полетам, что свидетельствует о том, что Акир еще до начала похода начал готовиться к выполнению заданий фараона (1-я редакция), появляется приказ седлать барсов (рысей) и коней.

Укажем еще на ряд деталей, которые сближают список Н с 3-й редакцией Повести. Они были привнесены в ее текст, как отмечает А. Н. Пыпин, из русской культуры [Пыпин, 1855, с. 82]. Это замечания о том, что петух, которому «дѣхорь» отгрыз голову, будил царя «к заутрене», а Акир после освобождения из темницы пошел «въ банях паритися», уточнение, касающееся обучения Анадана: Акир учил его «русской грамоте»¹⁶.

Добавим еще одно наблюдение об отличительных чертах 3-й редакции, также свидетельствующее о принадлежности к ней списка Н. В 1-й редакции Повести не описывается, как Акир собирается с войском прийти к царю Синографу, получив подложную грамоту Анадана. Повествование сразу переходит к описа-

¹⁶ На это введенное в 3-ю редакцию дополнение А. Н. Пыпин обратил внимание в другой своей работе [см.: Пыпин, 1902, с. 506].

нию действий Анадана, который приносит царю две подложные грамоты, составленные от имени Акира и обличающие в нем предателя. В списках 3-й редакции и в списке Н появляется описание этих сборов, причем в выражениях, сходных со следующим далее описанием подготовки Акира к походу в Египет:

Р	Н
... прочеть ѓе вскорѣ, и повелѣ отрокомъ своимъ кони седлатъ вѣржи бѣлые и партусы борзые; и повѣле на сѣбя класти златокované доспѣхи... (с. 361).	... и прочеть в[с]коре, повелить отрокомъ своимъ седлати варижи бѣлые и пардусы борзая, во златокáваннх доспехахъ, повелить на себя класти ... (л. 175)

Отметим, что список Н в таких (характерных для 3-й редакции) фрагментах и текстуально близок соответствующим эпизодам 3-й редакции.

Перечисленные черты сходства списка Н с текстом 3-й редакции Повести об Акире Премудром неоспоримо свидетельствуют о принадлежности его к этой редакции. Рассмотрим далее художественные особенности и индивидуальные чтения печорского списка Н, отличающие его от других списков 3-й редакции. Сопоставительный анализ показал, что в списке Н в ряде случаев иначе составлены акценты в повествовании, изменены некоторые мотивировки при обрисовке действий и поступков персонажей. Так, например, в списках 3-й редакции, молясь о ниспослании наследника, Акир обещает научить его «работати» Богу и служить царю Синографу. В списке Н мечты Акира, связанные с сыном, носят более приземленный и конкретный характер: акцент в них перенесен на образование наследника, воспитание в нем «премудрости» — Акир обещает Богу, если он даст ему сына, научить его всякой премудрости: «17 языкомъ и 14 грамотъ» (л. 173 об.). Заметим, что в 3-й редакции о лингвистическом обучении Анадана упоминается, но из мотивации просьбы Акира о ниспослании ему наследника обучение языкам перенесено в рассказ об уже осуществленной Акиром воспитательной программе: «...потом его научи дванадцать языковъ...» (с. 359).

В некоторых эпизодах списка Н эта тенденция к конкретизации повествования ощущается в еще большей степени. Она проявляется уже в начале Повести: в списке Н, представляя Акира читателю, составитель вместо абстрагированного определения «нѣкий человекъ» (Р) четко обозначает должность Акира при царском дворе: «...воевода Акирь премудры...». Та же тенденция прослеживается и при формулировке в списке Н смертного приговора Акиру: переписчик не ограничивается приведением приказа царя «отсѣщи главу» Акиру, но добавляет, что после казни ее следует «ввергнуть» «во вретище».

В списке Н заметно также стремление составителя придать тексту более экспрессивный характер за счет этикетных формул средневекового повествования. Например, царь Синограф, «рыкающий» на Акира, уподобляется в списке Н «зверю лютому» — льву): «Царь же Синографъ, **рыкнувъ на Акира аки зверь лютый левъ**, не повеле Акиря премудраго на очи пустити» (л. 175).

В некоторых случаях в списке Н искажается смысл фрагмента за счет искажения отдельных слов. Так, например, в 3-й редакции Синограф, оплакивая

Акира, называет его «замкум Алавицкого царства», имея в виду, что он своей мудростью «запирал» свое государство и делал его недоступным для врагов. В Н «замук» превращается в «закон», и метафора лишается смысла: «...поломихъ **законъ** Алавицкаго града...» (л. 177 об.).

Помимо рассмотренных добавлений и изменений в печорском списке Н мы обнаружили и отсутствие некоторых фрагментов, читающихся в других списках 3-й редакции. Так, например, при описании богатств, которые царь передал Анадану после мнимой смерти Акира, в списках 3-й редакции введен комментарий к предательскому поведению Анадана со ссылкой на пророчество Давида («не помянулъ царства Давидова, глаголюще: человѣкъ въ чести сы неразумивъ, приложися скотомъ несмыслѣннымъ и уподобися имъ» (с. 361)). В списке Н этот фрагмент опущен.

Некоторые сокращения списка Н носят механический характер и приводят к затемнению смысла повествования. Так, после рассказа о том, как Акир подготовил свое войско, чтобы явиться к царю Синографу, в Н опущен рассказ о приходе к Акиру Анадана, решившего обманным путем привести Акира одного, без войска, к царю для расправы: «Анадамъ же изыде на конюшню ко отцу своему и рѣче: «Отче Акирю, поиди: царь зоветъ тя къ себѣ» (с. 361). От этого фрагмента в Н остались только слова Анадана, которые совершенно непонятны в этом сокращенном контексте: «...и возьметъ [Акир] тогда с собою избранныхъ рабъ своихъ во златыхъ ризахъ и во златокованныхъ доспехахъ. «Отче мой Акирю, се царь гаголаще тя» (л. 175)

Отсутствует в Н и конец повести — заключительное поучение Акира к Анадану, которым завершается 3-я редакция. Список заканчивается словами: «...не откупленъ — не холопъ не скорьмивъщи — ворога не видать» (л. 181)

Приведенные выше текстологические наблюдения показывают, что список Н, бытовавший на Печоре, с одной стороны, отражает основные особенности 3-й редакции Повести об Акире, с другой — содержит целый ряд текстологических особенностей, отличающих его от списка Р этой редакции, относящегося к тому же времени. На сюжетном уровне он отличается большей подробностью по сравнению с Р: в списке Н введены в ряде случаев дополнительные детали; некоторые образы отличаются большей художественной разработкой, но ряд мотивов, читающихся в Р, в печорском списке опущен. Отметим также, что в списке Н много испорченных чтений, затемняющих смысл повествования.

Мы не ставили своей задачей в статье выяснить текстологические связи списка Н со всеми известными списками третьей редакции, но приведенные выше отличия Н от списка Р могут быть полезными для дальнейшего исследования особенностей третьей редакции Повести об Акире для прояснения истории формирования ее текста.

Далее мы обратились к изучению позднего дефектного печорского списка Повести об Акире XIX в. — ИРЛИ УЦ н. 148. Он содержит два небольших фрагмента Повести. Первый передает описание выхода Акира с подготовленным войском к царскому дворцу в соответствии с подложным письмом Анадана, встречи его с царем, приказывающим казнить Акира, и обрывается на сере-

дине сообщения о том, что Анбугил взял его под стражу («Анбугиль же конющець взяль Акира...»). Второй фрагмент начинается с беседы Синографа и освобожденного из темницы Акира о предстоящем походе в Египет для разгадывания загадок Фараона, продолжается рассказом о встрече Акира с женой и заканчивается описанием ее реакции на неожиданное появление мужа: «Феодулия по слову позна его, а не по видению, п[р]итекъ, паде на землю и пролия слезы своя...»).

Изучение этих фрагментов УЦ н. 148 показало, что в них присутствуют некоторые специфические черты 3-й редакции (так же, как в 3-й редакции, переданы распоряжения Акира, готовящего свое войско, чтобы предстать перед Синографом (отсутствующие в 1-й редакции), сходно описана и подготовка Акира к походу в Египет; упоминается посол Елтега, описана встреча Акира с женой Феодулией). При сопоставлении фрагментов УЦ н. 148 с разными списками 3-й редакции обнаруживается их зависимость от бытовавшего на Печоре списка Н: так же, как в Н, в начале первого фрагмента отсутствует описание прихода Анадана к Акиру, явившемуся по подложному письму к царскому дворцу, с целью увести его к царю, который собирается с ним расправиться за предательство, вследствие чего слова Анадана, следующие далее, как и в Н, теряют связь с предшествующим описанием. При этом текст обоих списков в этой части совпадает дословно. Почти полное совпадение текста двух печорских списков прослеживается и далее, что позволяет рассматривать ранний список Н как непосредственный источник текста ИРЛИ УЦ н. 148.

Сделанные нами наблюдения о взаимоотношениях этих списков важны как конкретное свидетельство сохранения печорскими крестьянами древнерусской рукописной традиции. Далекое не всегда удается отыскать непосредственные источники переписанных печорскими крестьянами древнерусских сочинений среди сохранившихся на Печоре ранних их списков. Для списка УЦ н. 148 это оказалось возможным благодаря сохранившемуся на Печоре списку Н.

Как мы увидим далее, Повесть об Акире Премудром не только подвигла неизвестного нам усть-цилемского переписчика на копирование архаического списка Н, но вызвала у другого, уже известного книжника, желание не просто переписать понравившийся текст, но обработать его, «подтянуть» к пониманию в крестьянской старообрядческой среде, сложившейся на северной окраине России во второй половине XIX в. Этим известным книжником был И. С. Мяндин — сын старообрядческих наставников, ставший профессиональным писцом. Известны 110 рукописей, в которых содержатся мяндинские списки различных произведений либо отреставрированные им листы¹⁷. Хорошо известны сейчас исследователям и составленные Мяндиным сборники¹⁸, изучены многие его литературные переработки древнерусских повестей¹⁹.

Тем не менее в рукописных сборниках, найденных на Печоре, остается много древнерусских литературных текстов, переписанных Мяндиным, которые до

¹⁷ О рукописном наследии И. С. Мяндина см.: [Волкова, 2009].

¹⁸ Об итогах изучения основных мяндинских сборников см.: [Волкова, 2005, с. 42–57].

¹⁹ См. обзор исследований о мяндинских переработках: [Волкова, 2006, с. 839–862].

сих пор еще не изучены. Не исследованы и некоторые списки уже введенных в научный оборот переделок Мяндина, по тем или иным причинам не попавшие в поле зрения исследователей. К их числу относится и ранее не изучавшийся мяндинский список Повести об Акире Премудром, читающийся в составе мяндинского Цветника (далее – Ц). Другой мяндинский список Акира, находящийся в сборнике ИРЛИ УЦ 67 (далее – ПД) был издан и исследован Е. К. Пиотровской, опубликовавшей свои выводы в небольшой статье [см.: Пиотровская]. Этой давней публикацией и ограничивается к настоящему времени изучение печорской редакции Повести об Акире Премудром. Мы продолжили работу Е. К. Пиотровской, опираясь на текст обоих списков И. С. Мяндина. Списки эти оказались разными по художественному раскрытию темы, как и в ряде других случаев, когда Мяндин несколько раз обращался к одному сюжету, создавая два или три списка одного и того же понравившегося ему произведения²⁰.

Выявим прежде всего те общие для обоих мяндинских списков особенности, которые характеризуют работу печорского книжника. Приведем кратко основные выводы Е. К. Пиотровской о художественном своеобразии мяндинской редакции «Акира» по списку ПД, дополнив их своими наблюдениями, сделанными на основе сопоставительного анализа обоих списков печорской редакции Повести. Е. К. Пиотровская, отталкиваясь от наблюдения О. В. Творогова, отнесшего список ПД, как и список Н, к 3-й редакции [см.: Творогов, 1970, с. 171, сн. 61], отметила ряд особенностей ПД, которые отличают его от списков 3-й редакции: значительное сокращение текста (наставления мудреца Акира своему племяннику Анадану, число загадок и заданий фараона), устранение некоторых сюжетных линий и мотивов (Акир и палач Анбугил, посол фараона Елтега в Алевицком царстве, встреча Акира с женой Феодулией после его освобождения из темницы), сокращение или изменение имен второстепенных персонажей. Вместе с тем, как отмечает исследовательница, Мяндин ввел некоторые дополнительные мотивы и детали, отсутствующие в списках III редакции: отмечены воинские заслуги Акира и особое расположение к нему царя после того, как Акир воспитал разумного отрока Анадана и отдал его на службу Синографу, подчеркнуты некоторые «демократичные» черты отношения царя к своим подданным; в текст Повести внесены отдельные замечания о царице, жене Синографа; подновлен язык Повести. Причину значительного сокращения Мяндиным текста 3-й редакции повести Е. К. Пиотровская связывает с маленьким форматом (в 16-ю долю листа) сборника УЦ 67, предназначенного, по-видимому, для карманного ношения, что диктовало и соответствующий объем переписываемых в него текстов. Но, сокращая текст, редактор стремился «сохранить основную линию сюжета – линию напрасно оклеветанного мудреца Акира своим неблагодарным воспитанником, племянником Анаданом» [Пиотровская, с. 379].

²⁰ См., например, мяндинские переработки Повестей о гордом царе Аггее, о царевне Персике, о царице и львице, Сказания об Иосифе Прекрасном, Троянских сказаний, дошедшие в двух или трех списках.

Отмеченные особенности мы обнаружили и в списке Ц. Добавим к ним и некоторые наши наблюдения. Отмеченная Е. К. Пиотровской в списке ПД тенденция к сокращению текста, на которую на материале других мяндинских переделок обратил внимание уже первый их исследователь [см.: Малышев, 1961], по нашим наблюдениям, прослеживается по всему тексту Повести в обоих мяндинских списках. Помимо указанных Е. К. Пиотровской случаев, опущен у Мяндина и эпизод, описывающий совещание у царя Синографа по поводу предстоящего отгадывания загадок Фараона, на которое он созвал «вся вельможа и вся дьяки и ближняя своя» (Н, л. 176 об.). Здесь, на наш взгляд, проявилось характерное для Мяндина стремление сконцентрировать внимание читателя на главном герое повествования²¹, устранить все побочные мотивы, отвлекающие внимание от личности Акира: в мяндинской версии у царя даже не возникает мысли о том, что ему может кто-то помочь, кроме Акира, и он, узнав о грозящей опасности, сразу впадает в отчаяние, «зѣло рыдая и неугѣшно плакаше» (ПД, л. 206 об.).

Заметим также, что в списках Мяндина прослеживается стремление к сокращению временного интервала между описываемыми событиями. Например, Акир у Мяндина собирается в поход сразу после освобождения из темницы («...скоро повелѣ приготовить потребное число войска...» ПД, л. 210 об.), а не спустя «пять месяц», как в 3-й редакции; опущено и указание на продолжительность заключения Акира («три годы»), а контекст повествования позволяет предполагать стремительное развитие событий, приведших к освобождению царского советника. Сужается Мяндиным не только временной интервал между событиями, но и художественное пространство: Акир, получив подложное письмо с приказом явиться к царю, останавливается со своим войском не «близь града» (Р, с. 361), а, судя по контексту, у самого дворца, как ему было приказано: «собрати все воинство и стати противу царьскихъ чертоговъ» (ПД, д. 202). Узнав от Анадана, что Акир стоит «внѣ дворца», царь «скоро вскочи от одра своего в велицѣ страсъ. И узрѣ абие Акира стояща вооружена...» (ПД, л. 204). Такое освещение событий в печорском списке ускоряет развитие действия, усиливает динамизм повествования и его напряженность.

Иногда Мяндин, сокращая текст 3-й редакции, заменяет его другим — более понятным его читателям, например, в описании приготовления Акира к походу в Египет — к царю «поганьскому»:

Р	ПД
...повѣле отрокомъ своимъ седлати партусы борзые и варижи бѣлые , и велѣль на себя класти свѣтлыя ризы и златоконныя доспѣхи... (с. 363)	...повелѣ приготовляти потребное число войска и всякия орудия и запасы... (ПД, л. 210 об.; в Ц текст тот же)

Данный пример — типичный случай упрощения Мяндиным текста за счет устранения не очень понятной в XIX в. лексики, тем более дошедшей в ранних

²¹ См., например, о его работе над текстом Жития Корнилия Выговского: [Волкова, 2004, с. 421–428].

списках Р и Н в искаженной орфографии. Иногда Мяндин опускал и такие подробности, которые, по-видимому, не представлялись ему важными для сути передаваемых действий. Такие «свободные» мотивы он заменял «связными»²². В приведенном примере Мяндин заменил «свѣтлыя ризы» и «златокованная доспѣхи» на «потребное число войска» и «всякия орудия и запасы», посчитав, видимо, с крестьянским практицизмом, что успех военного похода определяет не нарядная воинская одежда, а численность войска и хорошая обеспеченность его провиантом и оружием.

Отметим также и работу Мяндина по композиционной перестройке текста: в списках ПД и Ц клеветническая речь Анадана, в которой он сообщает царю Синографу о предательстве Акира (существенно сокращенная Мяндиным), приведена уже после описания предательства самого Анадана, написавшего Акиру подложное письмо от имени царя, в то время как в 3-й редакции с этой речи начинается данный виток сюжета. Таким образом, Мяндин выстраивает события в их логической, с его точки зрения, последовательности: сначала Анадан вызывает Акира с войском к царю, а убедившись, что его обман возымел действие, призывает Синографа увидеть своими глазами предательство Акира. При такой композиционной перестройке замысел Анадана открывается не сразу: Мяндин заставляет читателя поэтапно следить за ходом событий, что способствует большему напряжению и занимательности сюжета. Редакторская рука коснулась и самого содержания речи Анадана, подготовившей царя к неадекватному восприятию появления Акира с войском у его дворца. Обращаясь к Синографу, Анадан называет Акира не своим отцом, премудрым советником царя и его «угодником», как в 3-й редакции, а человеком, которого царь «возвысил еси паче всѣхъ великородныхъ князей и вельможъ» и почтил «дары многоцѣнными», сделав его своим «любимцем» (ПД, л. 203 об.). Смещая в речи Анадана акценты, Мяндин, как видно из приведенной цитаты, дает понять читателю, что двигало Анаданом, когда он задумал оклеветать своего благодетеля Акира: почет, окружающий Акира при царском дворе, «многоценные дары», которые Акир получал за верное и мудрое служение, любовь к нему Синографа пробуждали в приземленной натуре Анадана жгучую зависть, которая искала выхода в клевете и обмане. Так, исподволь, в тексте мяндинской редакции на первый план выдвигается тема, особенно волновавшая печорского книжника, судя по ряду его литературных переработок²³, — т е м а з а в и с т и, толкающей человека на предательство самых близких ему людей.

Но есть фрагменты в мяндинских списках Повести, где тема зависти уже не просвечивает в подтексте, а выходит на поверхность повествования. Это особенно заметно в списке Ц. Например, в «плаче» царя Синографа, раскаивающегося в казни Акира, в Ц также начинает звучать тема лжи и зависти, отсутствующая в аналогичном фрагменте списка ПД: «Кто не удивится моему неразумию или кто не восплачет моему внезапному пременению моему, како аз прельстихся и веровах лживым словесем и завистливым недостойнаго Анадана

²² См. определение этих понятий: [Томашеский, с. 183].

²³ Например, в повестях о царице и львице, о царевне Персике.

и погубих столь премудраго и добродетельнаго военачальника — великаго Акира!» (Ц, л. 148 об.).

Перерабатывая тот или иной фрагмент Повести, Мяндин старается не только досказать, конкретизировать и объяснить описываемые события, но и художественно доработать их, создать зримый образ воссоздаваемого мира, понятный его читателям — печорским крестьянам. Например, в рассказ о подложной грамоте Анадана Мяндин добавляет подробности, касающиеся времени ее написания: «Во единъ от дний наставши нощи, егда вси людие града того от царя и до меньших упокоишася, яко же обычай есть в глубоконощи всем спати...» (ПД, л. 201 об.; ср., например, в Р (с. 361): «Анадамъ же дияволскимъ научениемъ скоро написалъ грамоту, бутто отъ царя...»). Добавляются Мяндиным и подробности передачи подложной грамоты Акиру: «умоли нѣкоего от царскихъ служителей да со всякою тайною вдасть ю Премудрому Акиру» (ПД, л. 202 об.), в то время как в 3-й редакции упоминается только об украденных Анаданом у царя «золотых печатях».

Очень интересной представляется работа Мядина с деталями повествования, проясняющая его собственное отношение к персонажам Повести. Воспринимая Анадана как предельно отрицательного героя, Мяндин, по-видимому, не захотел допустить, даже с учетом последующего его разоблачения, какого-либо упоминания о «верной службе» Анадана царю Синографу и о «верной любви» царя к обманщику. Поэтому вместо текста 3-й редакции «царь же Синографъ нача Анадана любити, Анадамъ же нача вѣрно служити царю» (с. 361), в мяндинских списках появляется характеристика Анадана, данная через восприятие царя и акцентирующая внимание не на «верности» Анадана, а на его «разумности», логически вытекающей из соответствующего воспитания его мудрым Акиром: «видѣ зѣло разумна отрока и доброродна» (ПД, л. 199—199 об.). «Верная служба» Анадана царю явно противоречила и следующему далее эпизоду предательства Анадана, что и вызвало, видимо, редакторскую правку Мядина.

В образе Акира Мяндин подчеркивает не только его мудрость, но и государственный ум, способность в первую очередь думать не о личных интересах, а о благополучии своего государства. Этим, по-видимому, объясняется замена Мяндиным некоторых сюжетных мотивировок. Например, в эпизоде, рассказывающем о том, как Акир сам спас свою жизнь, Мяндин изменяет аргументы Акира, с помощью которых он убеждает царского слугу оставить его в живых: в 3-й редакции Акир мотивирует свою просьбу о сохранении ему жизни внутрисемейными отношениями — заслугами своего отца, некогда спасшего отца Ангулема — слуги, назначенного палачом Акира. У Мядина Акир мотивирует свое право на жизнь не прошедшими событиями, обязывающими Ангулема отплатить добром за добро, а будущими испытаниями, которые ждут царя и страну, когда мудрость Акира может пригодиться и оказаться спасительной: «...царя моего Синогрифа сожалѣю, ибо вижу многихъ врагов. И по смерти моей онъ лишится своего царства» (ПД, л. 204 об.—205).

Приведем один пример стилистической переработки Мяндиным текста 3-й редакции. Она состояла прежде всего в устранении сложных для понимания

в крестьянской среде аллегорических образов, сравнений. В таком ключе был отредактирован, в частности, «плач» раскаявшегося Синографа, оплакивающего потерю мудрого советника Акира, которого он считал казненным. В 3-й редакции плач царя по Акиру наполнен аллегорическими образами: Акир сравнивается с «лозой», «замкумъ града», «камнем», евангельским Лазарем. Мяндин передает экспрессию чувств Синографа посредством риторических вопросов, а вместо аллегорических сравнений вкладывает в уста царя полное душевного человеческого тепла обращение к Акиру («любимый дядюшка»), делая сетования царя понятными для любого читателя: «Кто не удивится моему неразумию, како погубихъ столь премудраго военачальника Акира?! И естли бы живь былъ мой любимый дядюшка Акир, врази мои не бы смѣли и близъ моего царствия явитися» (ПД, л. 207–207 об.).

Обратили мы внимание еще на одну характерную для мяндинских переработок тенденцию, проявившуюся и при переработке Акира, — тему «материальной награды», заслуженно получаемой положительными персонажами за верную службу, исполненные обещания, подвиги во имя спасения государства²⁴. Говоря о службе Акира при дворе Синографа, Мяндин акцентирует внимание на тех почестях и наградах, которые он получил от царя за свою воинскую доблесть, удерживающую все окрестные государства от нападения на «Алевитское царство»: «И почти его выше всѣх князей и боярь, к тому же постави Акира над всѣмъ войском»; «Царь же Синогрифъ ... паче всѣх почиташе премудраго Акира, и дары многоцѣнными удовляше его» (ПД, л. 199 об., 200–200 об.). Не забывает печорский редактор упомянуть и о «многой корысти» и «многоцѣнных дарах», с которыми Акир возвратился домой, победив своим умом Фараона. Всех этих мотивов нет в текстах 3-й редакции.

В заключение остановимся на соотношении двух мяндинских списков «Акира». Сопоставительный анализ показал, что они представляют собой разные варианты мяндинской редакции. Более раннюю версию, на наш взгляд, передает список ПД. В списке Ц ощущается дальнейшая работа редактора по очищению текста от повторов, шероховатостей стиля, делающая его более правильным и стройным. Покажем это на двух примерах:

ПД	Ц
...сия и ина многая царь изрече со многими слезами... (л. 209 об.)	Сия и ина изрече царь со многими слезами... (л. 151 об.)
Акирь ... сказа царю тоя страны, рече... (л. 211)	Акир ... рече царю тоя страны... (л. 153)

Художественно обрабатывая во втором варианте текст Повести, Мяндин добавляет различные изобразительные средства: эпитеты конкретизирующего или экспрессивного характера (*великое ополчение, здравый совет, всласть*

²⁴ Она проявилась, например, в мяндинских переработках повестей о Тимофее Владимирском, о Дмитрие Басарге [см.: Волкова, 2005, с. 122–160].

послушаша, лютая казнь, печальное нашествие, плачевная словеса, лживым словесам и завистливым, дражайший мой, любимый советнице), риторические вопросы (*неужели таковое безценное сокровище еще существует в живых?*), глаголы нейтральной окраски заменяются на более экспрессивные (*глаголюща — сетующу и плачующуся*).

Доработка Повести в версии Ц ощущается не только на уровне стиля. Мяндин вносит в список Ц и ряд дополнений уточняющего характера, художественно разрабатывая некоторые эпизоды. Например, рассказывая о выполнении Акиром приказа царя, содержащегося в подложном письме Анадана, он уточняет в Ц место и время действия, вносит выразительный авторский комментарий к сложившейся ситуации:

ПД

...повелѣ собрати все воинство, и самъ выеде на бранномъ конѣ своем (л. 203).

Ц

...повеле собрати все воинство **нощию против царских чертогов со оружием и копьями**, и сам Акир **бе пред полками вооружен** на бранном коне своем. **Сего-то Анадан и дожидался** (л. 144).

Картина происходящего далее дополняется в Ц новыми деталями, конкретизирующими и действия Анадана при появлении Акира:

ПД

Егда точию ощути Анаданъ се ополчение, абие возбуди царя Синогрифа... (л. 203)

Ц

Егда **узре оконцем** таковое великое ополчение ... вскоре возбуди **спяща** царя Синогрифа... (л. 144—144 об.)

Наиболее ярким примером художественной разработки Мяндиным отдельных эпизодов в списке Ц может служить рассказ о том, как Синограф узнал, что Акир остался жив. В 3-й редакции, услышав покаянную речь царя, его слуга Анбугил, которому была поручена казнь Акира, сначала идет к спасенному им мудрецу и сообщает ему о том, что пришло время открыть правду царю, после чего возвращается во дворец и начинает «торгати за златые колца у царевы полаты» (с. 362). На вопрос царя «Кто есть предъ дверми?» Анбугил называет себя и в высокопарных выражениях признается в том, что «Акиря отъ смерти соблюдохъ». Царь «скоро скочи съ престола своего» и «притѣче ко дверемъ», переспрашивая Анбугела о казненном им Акире. Анбугел примерно в тех же выражениях, но несколько короче, повторяет, что «соблюдохъ» Акира от смерти. Мяндин опускает эпизод о посещении слугой Акира, сокращая временную дистанцию между покаянием царя и получением им известия о спасении мудреца. В списках Мяндина это выглядит как чудо, ниспосланное Богом принесшему покаяние царю. При этом в мяндинском тексте появляются другие подробности узнавания царем радостной для него новости, способствующие дальнейшей беллетризации текста: слуга не стучится громко в двери царской «полаты», а, напротив, «скважнею малою» начинает «тихо глаголати

к царю»: «Акир жив». В ответ царь «нача прислушиватися к потаенным словам слуги онаго». Тогда слуга снова повторяет те же слова, а царь «больши устреми в ту страну слуха», и только когда слуга в третий раз повторяет те же слова, царь зовет его и «с тихостию» вопрошает: «неужели Акирь Премудрый живъ?» На это слуга отвечает неопределенно: «мнѣтмися, яко Акирь живъ». Такой ответ вызывает новый вопрос царя: «извѣсти ми воистину, гдѣ хранимо есть таковое сокровище драгоцѣнное» и просит отвести его туда, дабы получить прощение от Акира (ПД, л. 207 об.—209). В списке Ц эта повествовательная модель получает дальнейшую разработку в сторону еще большей конкретизации. Услышав в первый раз, что Акир жив, царь «нача прислушиватися в ту страну, идеже слуга стояше» (Ц, л. 149 об.). Описывая реакцию царя на повторное сообщение слуги о спасении Акира, Мяндин дублирует вопрос царя «Неужели премудрый Акир жив есть?», варьируя его далее с добавлением оценочной характеристики Акира: «Неужели таковое безценное сокровище еще существует в живых?» (Ц, л. 150). Дальнейший диалог слуги и царя Мяндин вводит в этикетные рамки. Слуга, обращаясь к царю, говорит: «О державный царю Синографу, повели ми слово рещи, рабу твоему». Царь столь же этикетно милостиво разрешает слуге: «Рци ми, юноше, безбоязненно». В ответе слуги, лишенном на этот раз какой-либо неопределенности, Мяндин добавляет отсутствующий в ПД фрагмент: слуга передает царю слова Акира, еще более возвышающие его в глазах царя, показывающие беспокойство Акира, даже находящегося в униженном состоянии, на пороге смерти, не за свою жизнь, а за судьбу Синографа: «И поведи ему вся глаголы Акировы, яже глагола, яко: “Аз смерти не боюся, но царя моего Синографа сожалею”» (Ц, л. 150 об.). Эти слова наполняют радостью сердце царя, и он, в тех же выражениях, что и в списке ПД, просит отвести его к Акиру, чтобы испросить у него прощения.

Из приведенного краткого обзора особенностей мяндинской редакции Повести об Акире Премудром и двух ее версий вырисовывается характер осмысления печорским книжником XIX в. из среды крестьян-старообрядцев средневекового сюжета с его не всегда понятной читателям XIX в. образностью, схематизмом в обрисовке жизненных ситуаций. Если в древнейшей редакции основной конфликт Повести — это «борьба двух моралей: столкновение благородного и мудрого Акира и его неблагодарного и коварного племянника Анадана» [Творогов, 1970, с. 174], а в 3-й редакции «перед нами не столько несчастный отец, вскормивший и воспитавший негодяя, сколько впавший в немилость, оклеветанный вельможа» [Там же, с. 175], то для Мяндина, воспитанного в строгих рамках старообрядческого семейного уклада, основанного на почитании родителей и послушании, на первый план в сюжете «Акира» выдвигается проблема сыновнего предательства, причиной которого Мяндин считает зависть Анадана к богатству и славе его приемного отца Акира, поселившуюся в сердце воспитанника не без воздействия злокозненного «врага-дьявола». Мотивируя решение Анадана предать Акира, никак не объясняемое в 3-й редакции, Мяндин вводит в свой текст развернутую с помощью средневековых этикетных формул мотивировку: «Злокозненный же врагъ дьяволъ, не могий терпѣти в добродѣтели мужа сияюще и любима и почитаема от царя же и от вельможъ,

вложи зависть Анадану, нареченному сыну Акирову, злую зависть на отца своего Акира» (ПД, л. 200 об.—201). Такая трактовка сюжета закрепляется в концовке, введенной Мяндиным в оба варианта отредактированной им повести. После описания казни Анадана в списках Мяндина добавлен комментарий к присловию, которым сопровождалось избиевание Анадана «палицею»: «Сими словами даде знать || Премудрый Акирь, чтобы не токмо дѣти родныя, но и усыновленныя бы²⁵ почитали названныхъ своихъ отцев и матерей и не оклеветали бы зависти ради» (ПД, л. 219—219 об.). Тема нарушения этой моральной заповеди героем повести Анаданом в заключительных словах этой концовки выводится Мяндиным на философские высоты столь волновавшей старообрядцев эсхатологической темы посмертной судьбы человеческой души: «за что не токмо здѣ примут достойную казнь, но и по смерти муку вѣчную» (ПД, л. 219 об.). Во втором списке это рассуждение, абстрагируясь от конкретики осмысливаемого сюжета, приобретает еще более суровое звучание, внушая читателю мысль о неотвратимости наказания за зло, совершенное на земле, в другом — небесном — мире: «хотя на сем свете и убежим должника наказания, но в будущем не бежати вечнаго мучения» (Ц, л. 160 об.).

Таким образом, печорский книжник увидел за строками старинной повести свои картины, соотносящиеся с его личным крестьянским и человеческим опытом, по-своему услышал диалоги героев старинной повести. Упростив язык и в то же время добавив в повествование этикетные формулы, хранившиеся в «литературной» памяти начитанного в древнерусских текстах книжника, Мяндин придал своему повествованию напряженность, конкретность и зримость, усилив звучание волновавших его тем, но сохранив вместе с тем в своем повествовании связь с литературной традицией.

Сравнения мяндинских списков Повести с текстом списка Н третьей редакции, который мог быть доступен печорскому книжнику, показало, что в его распоряжении, по-видимому, был какой-то другой список 3-й редакции, так как индивидуальные особенности списка Н не нашли отражения в мяндинской переработке. Специальное текстологическое исследование обоих списков мяндинской редакции «Акира» в контексте всех списков 3-й редакции, возможно, выявит тот вид этой редакции Повести, который послужил источником для усть-цилемского редактора.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3 : XI—XII вв.

Бончук А. Н. Печорские списки Повести об Акире премудром (вопросы поэтики и текстологии) : дипломная работа / науч. рук. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2010 (машинопись).

Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900.

Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, 2005.

²⁵ *бы* вписано над строкой.

- Волкова Т. Ф.* Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839—890.
- Волкова Т. Ф.* Усть-цилемский книжник И. С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия // Первые Мяндинские чтения : материалы республикан. науч.-практ. конф., с. Усть-Цильма, 12 июля 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 52—66.
- Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром : исследования и тексты. М., 1913.
- Демкова Н. С.* Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. СПб., 1976. Т. 30. С. 357—360.
- Дурново Н. Н.* Материалы и исследования по старинной русской литературе. 1 : к истории повести об Акире. М., 1915.
- Истрин В. М.* Новые исследования в области славяно-русской литературы // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1914. № 6. С. 333—365.
- Канева Т. С.* Фольклорная традиция Усть-Цильмы. Отдельные аспекты характеристики локальной традиции : учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002.
- Мальшев В. И.* Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326—337.
- Мальшев В. И.* Усть-Цилемские литературные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.
- Мальшев В. И.* Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность : по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 323—337.
- Мартиросян А. А.* История и поучения Хикара Премудрого : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ереван, 1970.
- Орлов А. С.* Переводные повести древней Руси. История русской литературы. М., 1916.
- Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко.* Вып. 2. СПб., 1860.
- Пиотровская Е. К.* Усть-Цилемская обработка «Повести об Акире Премудром» // ТОДРЛ. СПб., 1976. Т. 31. С. 378—383.
- Пытин А. Н.* История русской литературы. Т. 1. СПб., 1902.
- Пытин А. Н.* Очерки из старинной русской литературы // Отеч. зап. 1855. № 2. С. 63—150.
- Творогов О. В.* Переводная беллетристика XI—XII вв. // Истоки русской беллетристики. СПб., 1970. С. 163—180.
- Творогов О. В.* Повесть о Акире Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 : (XI — первая половина XIV в.). СПб., 1987. С. 343—345.
- Томашеский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 20.01.2011 г.